

## **Информационная политика о грузино-абхазском конфликте**

Этой теме 24 октября была посвящена очередная дискуссия в Южнокавказском региональном бюро Фонда им. Генриха Белля.

С докладами выступили: **Анна Лагнер, представитель австрийского радиовещания, Нино Джачиашвили, редактор телекомпании «Рустави 2» и Ниния Какабадзе, журналист газеты «24 саати» («24 часа»).** Модератором встречи был журналист **Давид Паичадзе:**

- В стране порой создается такой политический фон, когда некоторые темы как бы отходят на задний план. Спасибо Фонду им. Генриха Белля за то, что он не забывает об этих темах и напоминает нам об их существовании. Абхазская политика грузинских властей не находит должного отражения в наших СМИ. Исходя из этого, мало кто следит за информационной политикой в отношении Абхазии. Слово для доклада я хочу передать госпоже Анне Лагнер, которая недавно приехала из Абхазии, и поэтому, думается, ее доклад будет особенно интересным.

### **Анна Лагнер:**

- В первую очередь я благодарю Фонд имени Генриха Белля за приглашение. Я на прошлой неделе ездила в Абхазию и теперь готовлю материалы для двух австрийских радиостанций. Вчера у меня была встреча со студентами в Тбилиси. Они попросили меня рассказать о моих абхазских впечатлениях. Более всего их интересовал быт абхазов, как там чувствуют себя люди. У меня было такое впечатление, что я приехала в Грузию из очень далекой и экзотической страны, от которой Грузия чего-то ждет, также как и Абхазия от Грузии, но эти ожидания драматически отличаются друг от друга. В Сухумском университете я задавала вопрос студентам о том, представляют ли они себе возможность единства с Грузией. Надо сказать, что мне редко приходилось слышать такой единодушный ответ – нет!

Что касается информационной политики в отношении грузино-абхазского конфликта, то должна сказать, что в Австрии этот вопрос вообще не освещается. Что касается информационного вакуума в Абхазии относительно событий в Грузии, то мне думается, что такой вакуум существует в обоих сообществах. Что касается недоступности информации о Грузии, то мне это кажется преувеличением. В условиях существования Интернета излишне говорить об информационном вакууме. Если и существует дефицит чего-то, то я думаю, что это дефицит коммуникаций между людьми. Один абхазский бизнесмен в личной беседе со мной говорил о целесообразности партнерских отношений с грузинами вне сферы политики. Те, кто рассуждают о конфликте, часто прибегают к историческим аргументам, но мне кажется, что такие аргументы не могут стать ключом к разрешению конфликта. Более реальными мне представляются отношения вне сферы политики, которые впоследствии могут способствовать решению и политических вопросов. Если люди в течение долгого времени не общаются друг с другом и живут как бы в разных мирах, то это способствует формированию мифов и образа врага. Поэтому я считаю, что продолжение такого изоляционизма бесперспективно. Спасибо за внимание, и я готова ответить на ваши вопросы.

**Давид Паичадзе:**

- Честно говоря, меня радует то, что наши студенты интересуются тем, как себя чувствуют абхазы. Те, кто звонят мне в радио-эфир, как правило, интересуются не абхазами, а Абхазией как территорией. Но меня интересует, чем объяснить интерес наших студентов к тому, чем и как живут абхазы. Это искренний интерес или политкорректное фарисейство?

**Анна Лагнер:**

- Мне кажется, что это был искренний интерес, и еще студентов интересовало, что думают о грузинах абхазы.

**Давид Паичадзе:**

- Спасибо. Перейдем к нашему следующему участнику дискуссии.

**Нино Джапиашвили:**

- Спасибо Фонду им. Генриха Белля за приглашение. Я буду говорить мало и больше буду отвечать на ваши вопросы. Честно говоря, тема грузино-абхазского конфликта мало волнует наших журналистов. И главное, к этой теме нет творческого подхода. Я говорю о той телекомпании, в которой работаю, хотя думаю, что подобное положение и в других телекомпаниях. Как правило, журналисты ограничиваются информацией, получаемой от спецслужб. От нас звонят министру иностранных дел Абхазии и полученную информацию дополняют каким-то комментарием. Действительно, мало у кого появляется желание дать возможность высказаться рядовым абхазам, а не только членам правительства. Абхазы находятся в еще более идеологизированной сфере, и они боятся высказать свое мнение. Так, как и у нас, это мнение как правило не совпадает с правительственным. Ни от одного журналиста вы не услышите, что он находится под давлением властей. Журналисты не задаются вопросом о том, насколько достоверную или объективную информацию они передают. Этот тот случай, когда их личная позиция совпадает с пропагандистскими идеями правительства, а также с теми стереотипами, которые доминируют в общественном сознании. Я думаю, что на наших телеканалах табуирована такая тема, как представление Грузии без Абхазии. Информация об Абхазии как правило негативна и поверхностна. Передаются сюжеты об убийствах и похищениях людей, то есть конфликтно-драматические истории. Для нас, журналистов, Абхазия закрыта для информации, а от российских журналистов невозможно получить достоверную информацию.

Как-то наш президент сделал замечание журналистам в связи с некорректностью термина «абхазская сторона». Но почему об этом не должны догадываться сами журналисты?

У нас была передача о девушке из Гальского района, где она не имела возможности получить образование на родном языке. После трансляции сюжета об этой девушке у ее родителей возникли проблемы. Еще в одной нашей программе эксперт Паата Закареишвили говорил о том, что арестованные в Абхазии наши студенты выполняли задание наших спецслужб. Один русский журналист по нашему заданию поехал в Абхазию и сфотографировал дома, которые продаются, хотя трудно сказать, что это была вполне достоверная информация. Абхазские власти особенно не доверяют телекомпании «Рустави 2», считая ее рупором грузинского правительства. Гораздо больше доверяют телекомпании «Имеди». Мы не раз обращались с просьбой к администрации Гальского района с тем, чтобы поработать там по вопросам, не касающимся политики, но так и не получили на это разрешение. Но когда мы добивались такого разрешения, то возникали проблемы со спецслужбами Грузии. Они

не разрешали нам переправиться через Ингури. Главная проблема, на мой взгляд, в том, что есть страх с обеих сторон, каждая из которых думает, что в случае начала переговоров она будет обманута. Журналисты не пользуются возможностью наладить диалог между простыми людьми. Есть, конечно, возможность Интернета, но им пользуется очень небольшое количество людей. И как говорила Анна, как у грузин, так и у абхазов есть интерес к тому, как живут люди по ту и эту сторону Ингури. Нам обычно по телевизору показывают кадры Сухуми 10-летней давности. Эфирное время на «Рустави 2» власти используют в своих пропагандистских целях, но журналисты телекомпании не имеют к этому отношения.

**Давид Паичадзе:**

- У меня есть комментарии к докладу, но я их приберегу ко времени начала обсуждения. Прошу вас.

**Ниниа Какабадзе:**

- Для меня был очень интересным доклад Нино о том, что происходит на одном из телеканалов. Я думаю, что и Анна Лагнер имеет представление о том, какие настроения существуют в нашем обществе. К сожалению, даже радикально противостоящие друг другу политические силы солидарны в отношении милитаристской пропаганды властей. В условиях подобной пропаганды решающую роль играют СМИ и НПО для создания концепции мирного решения конфликта. Но без СМИ, общество и неправительственный сектор бессильны. В теле-медиа я ни разу не слышала вопрос о том, что делается в Грузии для мира. Что для этого предпринимают власти страны?

Реплика из зала:

- Власть укрепляет армию.

**Ниниа Какабадзе:**

- Да, это я знаю. Исходя из этого, мы, единомышленники, должны подумать о том, какие меры возможны для того, чтобы СМИ стали более активными в пропаганде мира. Хотя мы не в состоянии войны, но ее опасность все время существует. Теле-медиа рассматривают войну в виде спортивного состязания, во время которого должен выявиться победитель.

Реплика из зала:

- Не победитель, а возвратившийся.

**Ниниа Какабадзе:**

- Или ищет виновных и невиновных. Согласитесь, что в конфликте не бывает целиком виновной только одна сторона. В день падения Сухуми устраиваются ток-шоу, в них не участвуют эксперты и конфликтологи, у которых может быть отличное мнение о войне. В этих передачах происходит оживление страшных событий войны. Во время одного такого ток-шоу его ведущая посредством телемоста задает вопрос министру иностранных дел Абхазии С.Шамба: - Возможно ли возвращение Абхазии в состав Грузии? Естественно, С.Шамба отвечает, что ни в коем случае, что приводит к еще большему возбуждению телеаудитории. Так происходит милитаризация общественного сознания, исключая поиски мирного разрешения конфликта. Кроме того, посредством клипов и рекламных передач власти предлагают аудитории какую-то виртуальную действительность, в которой мы якобы уже вернули Абхазию и отправили туда наш бомонд. А в реальности, виртуально отправившихся в Абхазию

наградили орденами чести. Но в случае начала войны в силу этой виртуальной реальности клипов агрессия среди населения будет гораздо выше.

**Давид Паичадзе:**

- Если наша медиа ищет правых и виноватых в этой войне, то это говорит о том, что она зашла в тупик. Поскольку не существует свободного обмена информации с нашей и абхазской сторон, особое значение приобретает то, что говорят наши журналисты нашему обществу о возможном развитии грузино-абхазских отношений. Будет ли продолжаться милитаристская пропаганда или будет спокойный диалог о путях мирного разрешения конфликта. С нами Мамука Купарадзе, который 4 года назад снял фильм об Абхазии. В этом фильме он идет по набережной Сухуми и берет интервью у жителей города. Я думаю, что это наиболее реалистичная картина жизни Абхазии. Теперь давайте откроем дискуссию. Ваше слово, господин Давид.

**Давид Бериташвили, бывший вице-президент грузинской общины в Москве:**

- Не надо говорить о том, что грузины видят в Абхазии только территорию, которую надо вернуть. Я лично родился в Абхазии, там мой дом, и этот край для меня никак не территория. Категорический отказ абхазов от возвращения грузинских беженцев объясняется ни чем иным как материальными соображениями. Представьте себе 250 тысяч беженцев. Если даже определять стоимость имущества каждого из них в размере 1000\$, то мы получим 250 миллионов. И если к этой сумме добавить и стоимость недвижимости, то речь идет уже о миллиардах. Какой здравомыслящий человек согласится добровольно вернуть это имущество беженцам? Вот главная причина, а не то, что заявляют лидеры сепаратистов о том, что они, мол, не могут ужиться с грузинами. У многих из них жены грузинки, и Гальский район полон грузинами. Поэтому я и говорю, что грузины являются объектом этнической чистки.

**Ниниа Какабадзе:**

- Значит, теперь мы должны стать субъектами этнической чистки и прогнать абхазов из Абхазии?

**Давид Бериташвили:**

- Я об этом не говорил, но надо ведь признать и то, что грузинам резали головы и играли ими в футбол.

**Ниниа Какабадзе:**

- И грузины резали головы.

**Давид Бериташвили:**

- Нет, с этим я не согласен. Грузины резали уши.

**Реплика из зала:**

- А есть ли у вас документальный материал, подтверждающий это?

**Давид Бериташвили:**

- Этническую чистку придумали не абхазы. Во время Второй мировой войны немцы очищали захваченные территории от евреев и писали на вывесках «юденфрай».

**Давид Паичадзе:**

- Давайте оставаться в рамках дискуссии и говорить об информационной политике. Прошу вас, господин Вальтер.

**Вальтер Кауфман, директор южно-кавказского регионального бюро Фонда им. Г.Белля:**

- Я один из тех, кто имеет регулярную возможность ездить в Абхазию. В связи с дефицитом информации хочу сказать, что при желании каждая из сторон может получить информацию. Существует Интернет, российская пресса, информационное агентство «Апсны пресс» и представители НПО, имеющие возможность ездить туда и обратно. К сожалению, мало тех, кто готов слушать. Большинство предпочитает высказываться. Это, к сожалению, характерно для обеих сторон. Я думаю, что это связано со страхом и использованием информации в качестве оружия. Грузинские журналисты мне часто задают вопросы, которые предполагают желаемые для них ответы. Поэтому я очень осторожно с журналистами, которые как бы стараются взять меня в заложники какой-то уже установленной позиции.

Для журналистов очень сложным оказывается работа не на политику, а на передачу объективной информации. Но есть примеры, говорящие о том, что в принципе это возможно. Меня очень беспокоит положение в Гали и Кодори. Обязанностью журналистов является выяснение того, что там происходит в действительности. У меня довольно амбивалентные представления о том, что происходит в Гальском районе, но в грузинской прессе я не встречаю такой непредвзятой информации. Я встречался с учителями, которые преподают в Гальском районе на грузинском языке. Грузинская пресса это отрицает.

По грузинской версии 20 сентября в Кодорское ущелье проникли диверсанты, двое из них были убиты, а остальных взяли в плен. Но есть доклад UNOMIG-а, который на 95% соглашается с абхазской версией, по которой инцидент произошел на территории, контролируемой абхазами, и погибшие во время столкновения были убиты с близкого расстояния. Разве не является обязанностью журналиста указать на противоречие между грузинской версией случившегося и тем, что об этом говорится в докладе ООН. Такой же вопрос я задал бы и в Абхазии.

**Нино Джапиашвили:**

- Это то случай, о котором я говорила. Журналисты думают, что сказав правду, они нанесут вред своему государству. Они искренне верят в это. Когда я говорила своим коллегам журналистам, что надо быть объективными в оценке событий в Южной Осетии 2004 года, они мне отвечали: «Неужели ты не понимаешь, что это твоя война?» Думаю, что в этом главная проблема.

**Ниниа Какабадзе:**

- Главная проблема, которая возникает у меня в моей журналистской работе, - это пропаганда мира, отрицание войны и милитаристской пропаганды. Это темы, касаться которых мне запрещается в газете «24 саати» («24 часа»). Поэтому даже при желании мне не удалось бы опубликовать такую статью в газете.

**Гоча Гварамия, редактор сайта «[www.apsny.ge](http://www.apsny.ge)»:**

- Я никак не могу согласиться с тем, что власти Грузии проводят милитаристскую политику в отношении Абхазии. Официальная политика властей направлена на мирное разрешение конфликта, но вместе с тем власти заявляют, что они не могут ждать бесконечно этого мирного разрешения. Я не считаю

милитаристской пропагандой призывы пополнить ряды резервистов. Это одно из средств повышения обороноспособности государства. Мы находимся в состоянии войны не с Абхазией, а с Россией. Есть такое выражение: хочешь мира – готовься к войне.

Что касается выстрелов с дальнего расстояния, то они осуществляются не стрелковым оружием, а артиллерией. Комиссия UNOMIG-а находится под давлением российских военных, поскольку их главный штаб расположен на абхазской территории, и у них нет гарантий безопасности. Что касается информационной политики, то для меня неприемлемо само определение «грузино-абхазский конфликт». Ну уровне ООН принято определение «конфликт в Абхазии (Грузия)». Впоследствии Россия поменяла формулировку и стала говорить о грузино-абхазском конфликте, грузино-осетинском... Это для нас неприемлемо, и журналисты должны помнить об этом. Что касается определения правительства, то мне кажется излишним слово «легитимное». Нелегитимного правительства не существует, есть просто лидеры сепаратистского анклава. Под таким именем они известны во всем мире.

**Мамука Купарадзе, директор студии «РЕ»:**

- Нино, вы говорили, что журналисты, освещающие абхазскую тему, находятся в плену каких-то стереотипов, но вот вы, продюсеры, редакторы, что вам мешает быть свободными?

**Нино Джапиашвили:**

- Я пытаюсь менять тот материал, который получаю, но не могу сказать, что этим как-то влияю на ту большую систему, которая называется «Рустави 2».

**Мамука Купарадзе:**

- Когда журналист начинает думать о том, как писать или как говорить, это ведет к деградации журналистики.

**Ниниа Какабадзе:**

- Да, конечно, если не появляется хотя бы малая группа журналистов, которая вслух начнет говорить об отличном от общепринятого. В рассматриваемом нами вопросе произошла полная деградация журналистов. Журналист не должен находиться под влиянием пропаганды, но он должен думать о том, какими могут быть последствия его заявлений.

**Анна Лагнер:**

- Я считаю, что лучше не пускать материал, последствия которого непредсказуемы. Каждый журналист знает, что абсолютно объективной информации не существует, но существует широкий спектр перехода от объективной информации к личной позиции. Конечно, журналист должен стараться поставлять объективную информацию. В противном случае это не репортаж, а комментарий. Если бы я была на месте абхазских или грузинских журналистов, то я постаралась бы иметь прямую связь со своими коллегами и получать информацию из первоисточников. У меня вопрос: происходит ли такое?

**Ниниа Какабадзе:**

- У меня есть знакомые абхазские журналисты, которые готовы предоставлять мне объективную информацию.

**Саломе Джаши, бывший журналист телеканала «Рустави 2»:**

- У каждого телевизионного канала своя информационная политика, в соответствии с которой освещается то или иное событие. Если я заявлю с экрана, что высший военный чин ведет пропаганду войны, то этим я помешаю миротворческому процессу.

**Комментарий из зала:**

- В Абхазии каждый совершеннолетний человек может иметь в доме оружие. Почему же создание резервных войск в Грузии считается милитаризацией? Мы стали больше заботиться о боеспособности своих вооруженных сил, и, слава богу.

**Ирина Рехвиашвили, студентка:**

- Мое поколение не знает причин войны, а СМИ уверяют нас в том, что мы должны вернуть отнятую у нас землю. Естественно, это усиливает среди молодежи агрессию.

**Вахушти Менабде, студент:**

- Я согласен с тем, что у нашего поколения очень мало информации о том, что произошло в Абхазии в начале 90-х годов прошлого века. Что касается погибших 20 сентября двух российских солдат, то для меня более значимо не то, на чьей территории они были убиты, а то, что они оказались жертвами продолжающейся войны.

**Ираклий Таблиашвили, редактор сайта [www.abxazia.info](http://www.abxazia.info):**

- Как дореволюционные, так и нынешние власти говорят о мирном решении конфликта, но вместе с тем в их риторике слышится какая-то нетерпимость. Международные обязательства не позволяют вести Грузии открытую пропаганду милитаризма. Я считаю, что военная программа не должна осуществляться по заказу властей на ТВ. А вместе с тем многие рекламные клипы содержат пропаганду войны. К сожалению, со времени окончания войны власти Грузии не предпринимали никаких шагов по восстановлению мира с абхазской стороной. И в этой связи непонятно, когда говорится о том, что нашему терпению может наступить конец. На данном этапе переговорный процесс власти как бы уступили НАТО.

**Русудан Маршания, НПО «Лицом к лицу»:**

- Я категорически не согласна с той политикой кнута и пряника, которую проводят власти Грузии в отношении Абхазии. Эта политика находит отражение в СМИ. Если приглашаешь человека на переговоры, не неэтично называть его сепаратистом.

**Вопрос из зала:**

- А как его называть – «интегрисом»?

**Русудан Маршания:**

- Причина этого в том, что Грузия не видит в Абхазии равноправного партнера по переговорам. Фактически она совершает ту же ошибку, которую совершает Россия в отношении Грузии. Кроме того, я не согласна с той формой пропаганды патриотизма, которая ведется в СМИ, потому что помимо военной составляющей патриотизм имеет и морально-нравственную составляющую. Об этом, как правило, молчат.

**Каха Квашилава, журналист «Пост-фактум»:**

- В Вашингтоне мы встретились с нашими абхазскими коллегами из «Апсны-пресс», а также с тележурналистами из Абхазии. Мы предложили коллегам полный карт-бланш – публиковать в наших журналах и газетах свои материалы. На это они нам ответили: «Вы граждане вражеского нам государства, и с вами мы не собираемся сотрудничать». Я хотел бы спросить госпожу Анну Лагнер, почему абхазы не хотят сотрудничать с нами?

**Анна Лагнер:**

- Я говорила с абхазскими журналистами об обмене информацией с их грузинскими коллегами. Они не были готовы к этому, но согласились, что такой обмен информацией имеет смысл. Поэтому то, что вы рассказали, меня несколько удивляет. У меня возникли другие впечатления от общения с абхазскими журналистами.

**Нино Джапиашвили:**

- Их журналисты гораздо больше контролируемы, чем наши. Там запросто могут объявить журналиста врагом народа.

**Давид Паичадзе:**

- В недавнем прошлом представители политического истеблишмента заявляли, что мы хотим мирного разрешения конфликта, но у государства есть и легитимное право использования силы. Теперь они об этом публично уже не говорят. Я думаю, что боевые действия могут начаться, если власти Грузии посчитают, что они оказались вынужденными пойти на это. Этому может способствовать и международный контекст. Например, признание Косово. Давайте на этом завершим нашу дискуссию. Всем большое спасибо, особенно господину Отару, который помог нам в общении с нашей гостьей из Австрии - госпожой Лагнер.

**Георгий Сиамашвили**